

Зодческий миф школы, или Большая перемена

Архитектура и строительство №1-2 (200) 2009 г.

Игорь Морозов

Школьные годы чудесные –
С книгою, дружбою, песнею...

Из старой доброй песни

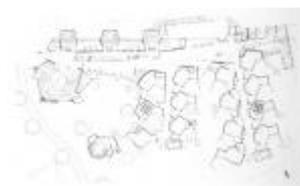

Годы эти воистину чудесные, поскольку творят истое чудо, превращая наивного и беззащитного ребенка в самостоятельную личность, способную принимать обдуманные и ответственные решения. Поэтому искони школа становится особым местом в структуре поселений, городов, культуры в целом. Не зря в старых городах она легко находилась и узнавалась – благодаря уважению к ней градостроителей и самому достойному облику.

До середины прошлого столетия школы могли не беспокоиться за свою респектабельность и статность, весомость-зримость. Однако целая система социокультурных трансформаций последних десятилетий повлекла и для нее большие перемены. Индустриализация и экономика типизировали ее, выхолостив индивидуальность не столько облика, сколько чудесности школьных лет. Так что перейти из одной школы в другую стало эмоционально равносильно переходу через улицу.

В этой простоте нет, казалось бы, никакого подвоха, она даже якобы упрощает жизнь. Между тем жизнь уплотняется в монотонном однообразии современного города, где правят ограниченные функции, удовлетворяются типовые потребности.

Все загодя готово, устоялось, ибо рационально высчитано и даже не намекает на сколь-нибудь заметные перемены. Наскучившее вчера нивелирует сегодня, которое нехотя переключивается в завтра. Так в человеке, призванном научиться, творить, подспудно шлифуется манипулятор для тиражирования. Иными словами, выхолощивается космогоническое начало, в творческой ауре которого человек и заявил о себе таковым, мечтающем о гармонии бытия-в-мире, о самоутверждении, о своем Месте...

В 1951 г. на волне послевоенной либерализации немецкий зодчий Ганс Шарон (Scharoun) предложил новаторский проект базовой начальной и средней школы, идея которого возникла по итогам серии дискуссий с единой темой “Человек и Место”. Авторская концепция трактовала школу как своеобразный мир, не ограничивающийся сугубо образовательным процессом, но вбирающий всю полноту жизни. Одновременно школа наделялась миссией посредника между человеком и обществом, семьей и городом, рукотворным

пространством внутри школы и природной средой. Зодчий отказывался от традиционной монолитной и компактной планировки и предлагал подвижное, “живое” простираемое. В результате отдельные функциональные зоны относительно свободно размещались вокруг центра в виде самобытного атриума, необычно большого “зала перемен” (break hall) или зала разрыва, который прежде всего служил объединительной средой, куда выходят и актовый зал, и административные помещения. Фактически это самобытная внутренняя коммуникация, крытая улица, названная “путем встреч” (meeting path), который действительно позволяет встретиться открытым и закрытым, групповым и общим, внутренним и внешним (городскому) пространствам и, соответственно, всем обитателям этого переменчивого мира.

На эту вольную встречу выходят и “школьные квартиры”, состоящие из нескольких помещений, решенные исходя из трех возрастных групп учащихся, то есть из особенности возрастных психологических особенностей. Так, “квартиры” для самых младших учеников имеют достаточно очевидные защищающие границы – подобны пещере или гнезду, хотя и открыты солнцу. Учащимся среднего возраста характерны вполне откровенные связи как внутри своей группы, так и с внешним миром. Старшеклассников архитектор стремился защитить, поспособствовать развитию индивидуальности и личной самобытности (фото 1).

Аналогичным принципам подчинено решение средней школы для девочек в Вестфалии. Та же идея посреднической миссии школы между частным, индивидуальным и обществом-социумом. Класс учащихся становится “второй семьей”, которая создает ощущение “сущности социальной семьи”. В этой связи архитектор выделил восемнадцать основных элементов “школьного жилья” и каждому определил подобающее Место. Классные комнаты шестиугольной планировки имеют автономный гардероб и внутренний двор для обучения под “открытым небом”. Учтена и возрастная специфика не столько даже обучения, сколько мироощущения учениц. Хотя всех их объединяет опять-таки “зал перемен” стометровой длины. В нем воочию обитатели школы последовательно наблюдают за теми значительными принципиальными переменами, что происходят непосредственно в них, взрослеющих и мудреющих, готовящихся еще к большим переменам – к самостоятельной жизни (фото 2–4).

В общем же такая радикальная метаморфоза в воззрениях на школу – выстраданный ответ на вызов хаоса однотипности. Ведь само слово “образование” имманентно выказывает образность и образ – то, что связано с индивидуальным, личностным, то есть уникальным, и одновременно всеобщим мировосприятием. А таковое исходно находило свое выражение в мифе, который был и остается отнюдь не досужей выдумкой, но рисовал синкретическую картину мира, охватывающую все векторы нашего жизнепонимания – науку, искусство, религию.

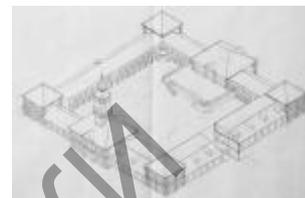

Так и зодчество искони – миф, воплощающий представления человека о космосе-порядке, о переменных, которые должны вести только к лучшему, более совершенному, где все и вся имеют достойное Место. С ним навсегда мы связываем свое представление о судьбе, проникаемся мистической причастностью к той

части суши, на которой изначально обитаем, над которой витают духи лишь наших сородичей-предшественников, предков, пращуров, но и потомков-последователей также. Поэтому зодческий миф преисполнен принципом сопричастности, соучастия (партиципации) человека и всего анимированного им мира в культурном воспроизводстве и традиции, одновременно

актуализируя воспитание творца демиурга, под которым надо понимать и отдельного ученика, и школьное сообщество в целом. Следовательно, в школе важны не планировка, фасады, конструкции как таковые, а нечто “архе” – изначальное, предшествующее и непременно духовное, что различает свое Место в пространственно-временном континууме...

Сегодня со всех концов света приходят сообщения об оригинальных, прямо-таки экзотических школах.

Из Китая – о школе, расположившейся в естественной пещере.

Из США – о школе, которая зарыта под землю.

Из Вьетнама – о плавучей школе, обслуживающей такую же плавучую деревню.

Из Голландии – о школе из ярко разукрашенных промышленных контейнеров, которая может без проблем перевозиться куда угодно.

Туристы рады, дети довольны. Как любая игра, танец или песня, которые при постоянном повторении вскоре надоедают. Да, они могут удивить, привлечь, но не способны стать *своим* Местом, не привязывают к себе духовно. Не вовлекают в космогонический миф, ибо инертны к сотворчеству, безразличны к традиции и тем более к свободе самопроявления себя как личности и частицы этноса, самобытной культуры, что особенно важно в пору цунами глобализации...

Поэтому вижу особый смысл в зодческом мифе, что мы имеем на своей земле – в гимназии старинного Шклова. Можно сказать, появление его случайно, ведь здание восстановленной городской ратуши и торговых рядов исходно предназначалось для музея. Но случайность, говоря философически, – неожиданная закономерность. Неизменно также и то, что коллектив ПРУП “Проектреставрация” поначалу хотел отказаться от решения этой задачи, но таки взялся и мастерски справился с ней.

Как бы то ни было, гимназия стала выразительным Местом, ибо выказывает, акцентирует его принципиальные архетипические атрибуты – Центр и Границы. В результате здание стало принципиальным Центром города, демонстрируя это и местоположением, и главенствующей доминантой, башенным ориентиром, заявляющим о себе уже на подъезде к городу (фото 5). Само по себе это чрезвычайно знаменательно и символично, поскольку выказывает нашу отнюдь не случайную устремленность заставить уважать себя благодаря духовному возрождению и подъему.

И на достаточно большой площади-участке гимназия гордо занимает центральное положение (фото 6). Далее концентрическая идея сосредоточивается на внутреннем дворе, куда выходят окна всех учебных классов. Трудно найти еще более воздействующее решение, способствующее психологической консолидации учащихся, обретших столь устойчивое Место. Это истый эпицентр для со-в-местных ритуалов. Именно на него, как на театральную авансцену, артистический подиум, выходит открытой террасой актовый зал, соединяя гимназической ритуаликой небо и кровлю (фото 7).

Поэтому уже не видится странным явно второстепенное значение входа в гимназию (откровенно говоря, он мог бы быть и повыразительнее (фото 8)). А также совсем не основное положение кабинета директора, который можно было бы разместить и в престижной башне, отданной под краеведческую экспозицию. Однако в этом также просматривается символичность: не администрирование здесь главенствует, а общая духовность, наглядно, осязаемо представленная уникальным музеем. И главное в нем – не обилие тематических комнат и экспонатов, а то, что все это найдено, принесено, собрано, оформлено исключительно гимназистами (фото 9, 10). В результате гимназия стала не только “городом детства”, но самобытным ковчегом всех поколений – эстафетой, многозначительной чередой со-в-местных событий.

Композиционно башня ратуши-музея и подиум актового зала расположены диаметрально на одной оси, что еще сильнее выказывает космогоническое начало гимназического двора – Центра.

Примечательно и то, что музей как символический эпицентр всей гимназии не миновать, поскольку коридор гимназии, этот “путь встреч”, кругообразно замкнут и в нем невозможно заблудиться. Тем не менее попадание в музей также предстает своеобразным ритуалом, поскольку походит на проникновение в некие потаенные и сакральные закрома, культурную сокровищницу. Здесь уместны чуть ли не крепостные своды и почти замковые двери (фото 11). Все это не может не впечатлять, не будоражить воображение. Особенно у самых малых, которые навсегда сохраняют в себе это общение с зодческим мифом.

Да и на всем “пути встреч” постоянно встречаешься с артефактами гимназистов, плодами творчества добровольных и охотливых демиургов. Словно это ростки старинного древа пустили побеги из музейного былого в перспективное будущее (фото 12, 13). Критические рассуждения относительно художественных достоинств при этом абсолютно несостоятельны, как были они не нужны древнейшим мифотворцам, которых более заботило “чудотворство” созданного ими и передаваемого последующим поколениям в качестве реликвии-оберега.

Так что и внутреннее оформление гимназии – своеобразный перманентный ритуал, объединяющий судьбу-традицию Места и невольно взывающий к заботе. К тому чувству, жизненной позиции, которая обретается и служит для гармоничного бытия со-в-местности. То есть и повышенной требовательности к самому себе во всех сферах

жизнедеятельности обитателей зодческого мифа. Это касается самообучения и взаимоуважения. Здесь не надо лишний раз напыщенно призывать к сбережению имущества-инвентаря, патриотизму, любви к родине. Так универсально реализуется не то что принцип “второй семьи”, но идея “продолженного рода”, когда превалируют не просто возрастные отношения, но органическая сопричастность к своему этносу-народу. Хотя как в семье, так и в роду не без урода, это уродство в гимназии ярче обнаруживается таковым, следовательно, эффективнее обезвреживается, становится несвободным в ауре заботливого самоуправления. Ведь каждый гимназист узнает и проникнется, что ратуша связывает его с эпохой магдебургского права, то есть с идеей самоуправления, сотворчества.

Поэтому так важна гимназическая интерпретация Границы, которая исподволь ассоциируется с несвободой. Правда, с ней издревле связана и магия табу, древнейшего неписаного кодекса, стоящего на страже Места и как территории, и как реализации нравственных норм и традиций. Отсюда сакрализация Границ прослеживается во всех космогонических мифах и преисполняет мифы зодческие.

Шкловская гимназия имеет несколько периметров, причем убедительных и однозначных Границ. Первый контур – проезжая часть улиц, образующих четкий прямоугольник. Затем вторящая ему ограда, от которой на приличной удаленности восстает главная Граница, коей служит вся толща учебных корпусов (фото 14). Ее солидность ощущаешь, проходя сквозь арку-тоннель, выводящий на внутренний двор, также четко геометризованный (фото 15). Нарушить ее закономерно не решились проектировщики, предпочтя углубить спортзал в землю, но не создавать внешних корпусов и галерей, не нарушать историческую геометрическую монолитность Места.

Все это создает впечатление благой незыблемости Места. Однако и статичности, замкнутости, застойности тоже, что, как понял Ганс Шарон, входит в конфликт с юношеским духом преобразований. Частично это компенсируется опять-таки внутренней перманентной экспозицией гимназических поделок. И даже тем фактом, что кабинет директора, общедоступно расположенный на первом этаже, не имеет каноничной приемной. Открываешь дверь – и тебя охотно привечает столь неординарная, общительная, думающая о переменах к лучшему, молодая Лариса Петровна Кривельская. Конечно, она сетовала на холод в помещениях: не хватает силушки у местной котельной. Неидеальным решением считает она и заглубление спортзала: маловато света, а главное, психологически спорт более связан с открытостью и простором. Ею уже заказаны новые учебные парты, включая одноместные, мобильные, фактически не знающие границ. Так что гимназисты будут вольно выбирать, где и с кем приобщаться к доброму и вечному.

В целом Лариса Петровна удивительно тонко чувствует, что существует духовный разрыв между насыщенным разнообразием и символичностью зданием гимназии и его слабо обжитой, маловыразительной ойкуменой, чем-то напоминающей просторный анонимный вольер (фото 16). Разрыв,

который не только ослабляет впечатление “тутошности” Места, но и не раскрывает всего богатства больших и малых перемен, происходящих в “роду” и вокруг него. Не подвигает демиургическое творчество гимназистов.

В этой связи думается о создании неких групповых (классных) локусов, микромест, в отношении которых его “хозяева” могли бы проявить демиургическую заботу, искони призванную поддерживать гармоничный порядок в мире природных и психологических перемен, обогащая их новыми своими играми, танцами, песнями, предтечами и последователями космогонических ритуалов. Причем они помимо непосредственно классных комнат могут появиться и во внешнем окружении здания, и в его Центре, во внутреннем дворе, который ныне также выглядит пустынно и статично. Хотя бы тем “хозспособом”, который мы исстари называем толокой и который, видимо, незнаком был Шарону.

Не хватает на обширном Месте гимназии и укромности, уголков-местечек уединения, что важно не столько для шалостей и проказ, сколько для отдыха от школярства, для доверительного, интимного общения.

Возможно, местные умельцы сработают и ажурные тематические Врата в жерле входа во внутренний двор, которые совместно с декоративной подсветкой послужат общегимназической ритуалике, обогатят зодческий миф темой превращений и перемен. И будут служить не размежеванию и закреплению, но единению, посредничеству, *о-своению* в одном Месте “внутреннего” и “внешнего”, исходно *своего* и другого в качестве не чужака, но друга...

P.S. Появились и другие идеи. В том числе и о сотрудничестве гимназии со столичными студентами-архитекторами, скульпторами, культурологами. Видимо, это также закономерно, раз речь идет о десятилетнем юбилее гимназии, что грядет в этом году. Чем не повод для ритуальной закладки архетипического Камня, посадки символического Древа – посредника между пространствами и временами, провозвестника всяческих перемен?..